

Школа Бывальского

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Рабоче-крестьянское образование

Всё пытаюсь ответить на гнетущий меня вопрос: почему богатые школы становятся всё богаче, а бедные — беднее? Загадки в этой закономерности нет, разумеется, никакой. Родители-инвесторы готовы вкладывать деньги только в престижные школы, куда и норовят определить своих чад. Они хотят платить за лучших учителей, хорошую и становящуюся всё лучше и лучше материальную базу элитных школ. Понятно, что и конкурс в эти лицеи, гимназии и школы высок, а зажиточные отцы готовы не постоять за ценой. Здесь вряд ли что-либо можно изменить. Да и нужно ли в этом естественном процессе что-либо менять? Пусть такие образовательные учреждения и дальше богатеют за счёт внебюджетных средств. Речь о другом.

Спокойствие многих было бы надёжнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казённый счёт.*

---

* здесь и далее приводятся афоризмы из книги Козьмы Прутков «Плоды раздумья»

Как известно, лицеи и гимназии работают по индивидуальным учебным планам с расширенной сеткой часов. В ряде городов установлены 15 процентные надбавки преподавателям за педагогическое творчество. Ставка составляет 16 часов вместо 18. Предполагается, что 2 часа гимназический преподаватель занимается научным творчеством — готовит и апробирует авторские программы. Так и было на заре лицейского и гимназического образования — в начале 90-х годов. Но за прошедшее с тех бурных лет время все программы уже написаны, планы составлены и не случайно всё громче говорят о кризисе образования повышенного типа. Исчерпав свой инновационный ресурс, лицеи и гимназии, как корабли в тесной гавани, пытаются найти выход из создавшегося положения, но зачастую без видимого успеха. А деньги за творчество, которого, увы, нет, государство платить продолжает. Вот здесь-то и образуется первая социальная несправедливость. На обучение в гимназиях бюджетных средств расходуется в несколько раз больше, чем на «обыкновенного» ученика общеобразовательной школы. Казалось бы, ну и что, если есть у государства такая возможность?

Однако взглянем на эту картину под другим углом. В гимназии, где учатся в основном дети обеспеченных по российским меркам родителей, государство вкладывает больше средств. Добавьте к этому добровольные пожертвования самих родителей. Неудивительно, что гимназисты, получив хорошие знания, поступают в самые престижные вузы опять-таки на бюджетные (бесплатные) места. А вот для детей, которые учатся в обычных общеобразовательных школах (понятно, что и они тоже бывают разные), картина будущего далека от благостности. Родители недополучивших качественного образования детей вынуждены «вкладываться» в репетиторов, оплачивать дорогостоящие курсы, но и это не всегда помогает. Вот и остаётся детям малообеспеченных родителей поступать в негосударственные вузы или на платную форму обучения в госвузы и платить, платить, платить...

Вещи бывают великими и малыми не только по воле судьбы и обстоятельств, но также по понятиям каждого.

Самое печальное, что, как панацею от этой общественной болезни, предлагают ввести единый государственный экзамен. Но он вряд ли решит проблему, скорее ещё раз обнажит то вопиющее неравенство, которое начинается для наших детей чуть ли не с детского сада.

Ведь смешно требовать одинаковые знания от гимназиста, с которым работают лучшие преподаватели, и от ученика сельской школы или школы в рабочем районе, где не хватает половины учителей и все ведут смежные предметы, набирая часы, чтобы выжить, а не качественно научить. Единый экзамен в сегодняшней ситуации грозит закреплением существующего положения вещей и ещё большим усугублением социального неравенства, с которым, как утверждают модернизаторы, они стремятся бороться.

Сословная школа начала складываться давно. Но её корни обнаруживаются и в недавнем советском прошлом, когда деление на перспективных и неперспективных учащихся проводилась на рубеже 8 (9) класса. Именно тогда решалось, какая часть детей будет продолжать учиться в школе, а значит потенциально сможет поступить в институт, а какая уйдёт на выполнение плана набора в ПТУ. К уходящим из школы детям относились как к людям второго сорта. Парадоксально, но государство диктатуры пролетариата годами закладывало в обществе пренебрежительное отношение к пролетариям. Мы гордились самым большим количеством людей с высшим образованием и этим показателем мерили нашу интеллигентность, забывая о том, что она измеряется гуманным и справедливым отношением к людям. Мы как-то привыкли, что ребёнок-наркоман в «интеллигентной» семье — это горе, а в «простой» — чуть ли не закономерность. И хотя несомненна роль социального окружения, но зачем же её усугублять? **Сегодня мы совершенно сознательно, опираясь на государственную политику в области образования, строим две массовые школы. Одну — для избранных, а другую — рабоче-крестьянскую, и ещё встречающиеся исключения лишь подчёркивают уже сформулированное правило.** В этом не было бы ничего страшного, если бы в обществе не утвердился стойкий стереотип, что отсутствие высшего образования становится чуть-ли не жизненным крахом.

Можно ли в принципе с этим что-то сделать? Ведь такая параллельная образовательная система сложилась во многих странах и работает, беспощадно отбрасывая тех, кто оказался не конкурентно способен. В этом плане положительных примеров не так уж много и тем не менее залог изменений к лучшему — в том, **что общество должно понять, что ему не нужно сто сорок миллионов экономистов или юристов с высшим образованием или сто миллионов психологов, и что хороший сантехник может быть в сто раз более достоин уважения, чем плохой менеджер.** Мы должны переоценить шкалу наших приоритетов и, прежде всего, в образовании. Пока образование воспринимается как ступеньки лестницы, ведущей к тёплому месту, по которой родители аккуратно ведут своё любимое чадо, не всегда интересуясь, а нужно ли ему это. К счастью, иногда происходит кризис и возникает конфликт «отцов и детей», открытый бунт, когда личностное побеждает в наших детях навязываемое им извне. Но если этого не происходит, общество чаще всего получает либо честолюбивую посредственность, либо глубоко несчастного человека, не осознающего, что его беда — в родительском башмаке, наступившем на «горло песни» собственного ребёнка. Чтобы этого не случилось, родители должны понять, что у образования совсем другая функция: помочь ребёнку раскрыть свой (индивидуальный) потенциал. Для этого не всегда нужно высшее образование, а его отсутствие — не признак напрочь проигранной жизни.

Сегодня мы боеем той же болезнью, что и многие западноевропейские страны. Они долго развивали свою систему высшего образования, а теперь столкнулись с его кризисом. Вчера ещё престижные университеты и институты, для того, чтобы удержаться на плаву, вынуждены привлекать иностранных студентов и даже идти на то, чтобы дотировать их обучение. Более того, специалистам с высшим образованием всё труднее и труднее получить работу, и квалифицированный рабочий стал цениться на рынке труда и в обществе куда выше, чем посредственный инженер. Нам же ещё предстоит отказаться от предрассудков и построить действительно рабоче-крестьянское образование, а не образование для верхов и низов.

Полная и безоговорочная компьютеризация

За последние сто лет обществом овладела вторая великая и грозная всё перевернуть

идея. Первая, как известно, касалась электрификации всей страны. Её старательное и целенаправленное исполнение привело к современному спору о том, кому, когда и насколько можно отключать эту самую электроэнергию. То ли электрификация оказалась нам не по карману, то ли мы за столетие так и не поняли, что даже если у нас чего и много, то всё равно обращаться с этим должно бережно.

Но вернёмся к новой идее, овладевшей массами, правда, почему-то в основном правительственными. Благородная задумка состояла в том, чтобы компьютеризировать все сельские школы. Несмотря на то, что в этом проекте «пряников сладких» должно хватить на всех, разбросаны они будут по просторам России тонким слоем, по одному, максимум по три чуда современной техники на одну сельскую школу. Правда школ этих почти 46 тысяч, так что денежки придётся затратить не маленькие. Размер затрат сильно зависит и от того, что же понимать под компьютеризацией? Например, известно, что сегодня можно купить, то, что называют IBM совместимым компьютером с клавиатурой и мышкой, но без монитора и уж тем более без принтера. Имеет ли смысл поставлять такие компьютеры в школы — вопрос чисто риторический.

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою.

Впрочем, желание одним прыжком догнать Запад похвально, и на эти цели наше правительство даже попросило значительный заём от Всемирного банка. Пока банк думает: ему видите ли не нравится, что в наших программах компьютеризации нет комплексности. У нас это тоже нравится не всем, и здесь явно обозначились две позиции. Первая состоит в том, что как бы ни было трудно, как бы ни было плохо, но главное в бой ввязаться, глядишь, что и получится. Вторая позиция — в том, что компьютеризация вещь конечно хорошая, только разве можно без выверки каждого шага, без отработки в пилотных школах вот так взять и всех осчастливить? И та, и другая сторона приводит аргументы, которые я и предлагаю взвесить.

Сторонники осуществления программы соглашаются с тем, что один компьютер на школу — это мало, но предполагают, что «распробовав» компьютерные удобства школы захотят заполучить ещё и предпримут для этого необходимые усилия. Они почему-то надеются, что дорогостоящая техника не будет заперта у директора в кабинете и использована исключительно для «усовершенствования системы управления школой», то есть для распечатывания приказов, отчётов и пополнения банка должностных инструкций. Нет, их фантазия распространяется на создание компьютерной библиотеки, на сбор в компьютере материалов об истории малой родины. Кто спорит, это очень современно. Только вот непонятно, почему сельские дети, не читающие книги в библиотеке, вдруг начнут читать их в компьютере, записываясь на эту процедуру и деля каждый час компьютерного времени. Не совсем понятно и то, как такое чтение отразится на их и без того слабом здоровье? И, наконец, какой энтузиаст возьмётся за «впечатывание» библиотеки, хотя бы в рамках школьной программы, в компьютер? С «малой родиной» та же история. Не все ли равно, будут ли храниться собранные сведения в пыльных папках или в пыльном компьютере?

Вред или польза действия обуславливается совокупностью обстоятельств.

Осторожные «ретрограды», как уже отмечалось, предлагают всё продумать, обсудить, провести эксперимент в пилотных школах, а уж потом решать. Кстати, этим путём, ища возможности реструктуризации сельской школы, идёт и почему-то записанный в злейшие враги российского образования Всемирный Банк. Но, кажется, ретрограды поняли, что «колесо истории» и тяжёлую поступь чиновников Министерства образования не остановишь и почти умоляют внести хотя бы крупицу мысли в амбициозный проект и спасти хоть что-то. Возражая, они говорят о том, что без вхождения в Интернет компьютер в сельской школе не имеет смысла. Они мечтают об обучающих программах по всем предметам и о программах, при-

званных изменить содержание и методику образования. Предвидят, что на первом этапе в связи с неопределённостью критериев отбора программного продукта компьютеры в сельской школе не удастся использовать для обучения. Одним словом, они готовы признать, что поставка компьютеров в каждую сельскую школу — это непродуманная, дорогостоящая и малоэффективная авантюра, и необходимо приложить все свои умения и знания, чтобы уменьшить наносимый ею вред. При всей половинчатости такого решения они признают, что компьютер можно использовать и как библиотеку, и как место сбора информации о родном селе. Более того, они даже указывают на готовые принести пользу сельским школьникам способы взаимодействия с компьютером. Прежде всего, предлагается создать клуб или кружок любителей компьютера, вокруг которого организовать различные виды развивающей деятельности для детей. Это и факультативные уроки информатики, и обычная игротека, и школьное издательство, и организация маленького бизнеса, связанного с распечаткой и набором.

Но всё это не выходит за рамки довольно примитивного использования «чуда» современной техники. Другое дело, что и «ретрограды», кажется, настроены излишне оптимистично. Например, некоторые из них предлагают отказаться от параллельной программы развёртывания сервисных центров, считая, что дети с учителем вполне самостоятельно смогут освоить не только сам компьютер, но и его начинку. Только вот **остаётся вопрос, где взять сорок с лишним тысяч учителей, умеющих не только включать и выключать компьютер, выполнять в нём примитивные операции, но ещё и учить детей его освоению.** Как обстоит дело сейчас, иллюстрирует случай, произошедший на конкурсе «Учитель года». По условиям конкурса должен был пройти показательный урок. Его подготовил учитель информатики из небольшого сибирского городка. Организаторы заинтересовались, что нужно учителю для подготовки, и он запросил компьютер «Ямаха». Организаторы не сразу поняли, что речь идёт о «древней» машине, давно снятой с производства во всём цивилизованном мире. Учить детей на этом ископаемом было всё равно, что предлагать им каменный топор вместо токарного станка. Эта история закончилась благополучно для учителя, но может бесславно кончиться для нашего образования.

Разделяй и властвуй

Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии деления.

В конце 80-х, в начале 90-х годов учительство пережило открытие, сразу поразившее всех своей ошеломляющей новизной. Оказалось, что не надо учить одинаково всех детей, а нужно строить процесс обучения в соответствии с их различными типологическими и возрастными особенностями. Это «новое» знание привело к нарастанию дифференциации в образовательной деятельности. Как грибы после дождя, стали возникать различные типы школ, создаваться профильные классы. Учительство вдруг загорелось идеей разделить всех детей на физиков и лириков, умных и глупых, лево и правополушарных, на мальчиков и девочек. Плохо это или хорошо?

Хорошо, если видеть в подобной дифференциации альтернативу нивелирующему обучению по единому шаблону. Конечно, дифференцированные формы обучения позволяют лучше учитывать и реализовывать интересы, склонности детей. Да и педагогам намного легче работать в однородной аудитории, где все ученики подобраны по какому-то единому критерию. Но широкая практика деления учащихся показала всю относительность заключённого в дифференциации позитивного смысла. Дело в том, что выбранная тактика не решает главную задачу: не происходит перехода от фронтального обучения — к обучению учитывающему индивидуальные особенности каждого ребёнка.

В связи с этим не может не привлечь внимания нарастающий день ото дня интерес к раздельному обучению девочек и мальчиков. Например, в этом году, в Ставропольском крае начался эксперимент по раздельному обучению в 30 начальных классах, который продолжится четыре года. Он проводится в рамках краевой программы освоения здоровьесбере-

гающих технологий. Раздельное обучение вводится в школах комплексно, наряду с горячими завтраками и дополнительным уроком физкультуры.

Не раз уже говорилось о том, что современная школа разрушает здоровье наших детей. Это несомненно, но как раздельное обучение может изменить эту ситуацию? Его горячие сторонники утверждают, что есть объективные причины для выделения мальчиков в отдельную группу.

Мировая статистика действительно подтверждает, что существует устойчивая тенденция: мальчиков со школьными проблемами в 4–5 раз больше, чем девочек. Более адаптивные и гибкие девочки ближе к образу «хорошего ученика», да и педагоги-женщины часто произвольно подчёркивают разницу между ними и мальчиками, как хорошими и плохими учениками. Так и прививается: быть плохим учеником — естественное амплуа мальчика.

Человек раздвоен снизу, а не сверху, — для того, что две опоры надёжнее одной.

Некоторые авторы считают, что современная школа предлагает нелёгкий выбор: быть хорошим учеником или быть мальчиком. Сложившаяся ситуация — как лакмусовая бумажка, показывающая, что действующая система образования уродлива и не эффективна. Ребёнку предлагается страшный выбор: либо сопротивляться унификации и стиранию собственной личности и при этом прослыть «трудным» учеником, либо смириться, стать хорошим (удобным для учителя) и «наступить на горло» своей индивидуальности. Оба варианта чреваты стрессами и как следствие невротизацией.

Итак, правда заключается в том, что наша школа не учитывает поло-ролевых особенностей детей. Но вот что интересно: даже сторонники разделения согласны с тем, что индивидуальные различия детей в произвольно собранной группе перекрывают половые. **Другими словами, не так важно что мы имеем дело с мальчиками и девочками, как то, что в классе разные по характеру, темпу развития и способностям люди. Разделяя их по половому признаку, об этом как-то забывают.**

Проблема как раз в том, что наша школа не рассматривает ребёнка как человека, как личность и не ориентирована на раскрытие его индивидуальных способностей и возможностей. Наша система обучения рассчитана на какое-то послушное, я бы даже сказал совершенно бесполое существо. И если она останется таковой, то неважно будут ли в ней классы, разделённые по какому-либо принципу, например, на блондинов и брюнетов. Это, может быть, и создаст некоторое удобство для учителей, но вряд ли поможет личностно реализоваться как мальчикам, так и девочкам.

Есть и ещё одна опасность. Бесперывные войны, в которые «влипают» наше общество в последние десятилетия, сформировали специфический облик мужчины-воина. Афганский синдром уже дал нам всплеск насилия и военные действия, перенесённые на территорию России. Каковы будут последствия чеченского синдрома, можно предвидеть. В связи с этим, спросим себя: если отделение мальчиков с целью сугубо мужского воспитания это попытка вырастить из них «настоящих» мужчин, то кто готов спрогнозировать результат, а главное ответить за последствия такого эксперимента? Не учитывается и ещё одна сугубо социальная проблема, которая может стать следствием раздельного образования. Где и как будут учить общаться между собой мальчиков и девочек? Сегодня школа, пусть и плохо, но решает эту проблему.

Самое неприятное, что раздельное обучение в очередной раз создаёт иллюзию бурных педагогических инноваций и тем самым отдаляет решение гораздо более важной и трудной задачи. А она в том, чтобы перейти от разговоров об индивидуализации обучения к реальной педагогической практике.